

К. В. Бондарь

НАРРАТИВ ЧУДЕСНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ В АГАДЕ И АГИОГРАФИИ

*Благословенной памяти моего деда
Михаила Сергеевича Бондаря (1922–1997),
друга, собеседника, первооткрывателя чудесного*

Как рассказывается о необычайном в текстах «устойчивого содержания» (согласно формуле Л. П. Жуковской) в рамках традиционной культуры?

Один из возможных ответов находим в наследии выдающегося фольклориста XX в. профессора Дова Ноя (1920–2013), изучавшего устное народное творчество народов Востока и различных еврейских общин. Среди его трудов есть работа «Талмудические и мидрашистские истории об исцелениях как повествовательный жанр» [Noy, 1988], в которой он обратил внимание на «истории об исцелении» и выделил их в особый жанр еврейской и христианской книжности первых веков нашей эры [*ibid.*, р. 126]. Согласно его концепции, происхождение этих историй устное, а затем они проникают в письменную традицию [*ibid.*, р. 126]. Истории об исцелении, как часть более широкой группы историй о чудесах, подобно другим типам нарратива, проходят стадии развития и трансформации. Будучи зафиксированными в памятниках III–VI вв., они отражают этапы своей дописьменной истории [*ibid.*, с. 127]. «Чисто еврейские» истории об исцелении (по определению самого ученого), связанные с представлениями фарисейского мейнстрима послехрамового периода, соседствуют с «сектантскими», т. е. в данном контексте христианскими.

Истории об исцелениях в Талмуде и мидрашах создавались и передавались параллельно с новозаветными (евангельскими) историями. Собственно евангельские чудеса – генерализация более частных описаний чудесного выздоровления – раньше талмудических и мидрашистских историй фиксируются в книжности. В соответствии с этим отмечаются черты полемичности в агадических историях, обращенных к текстам конкурирующей традиции. Таким образом, истории об исцелениях в Новом завете и аморайской литературе, хотя и сохраняют отдаленность друг от друга и развиваются самостоятельно, имеют общий напряженно-полемический контекст. В то же время более поздние произведения житийной литературы ориентируются на подражание, заимствование из новозаветных историй их особенностей и формируют на этой основе собственную поэтику.

Представляется небезынтересным рассмотреть формальный аспект историй об исцелениях агадического и агиографического происхождения для того, чтобы наметить пути их типологического изучения. Истории об исцелениях (далее – *чудесные истории*) известны многим литературам древности [Noy, 1988, с. 126] и классифицируются хронологически и по содержанию:

1 тип. Выздоровление происходит с помощью волшебного предмета при участии целителя – мага, врача, знахаря.

2 тип. Исцеление происходит только волшебной, магической властью целителя.

3 тип. Исцеление происходит по молитве, обращенной целителем к Богу. Первый тип историй – наиболее архаичный, свойственный дописьменным обществам, однако рефлексы данного типа имеются в Библии, например – исцеление царя Езекии пророком Исаяей (4 Цар 20:7). Истории третьего типа названы Д. Ноем «специфически еврейскими» [*ibid.*, с. 141]; однако преимущественное внимание в своей работе исследователь уделяет историям второго типа. Оказывается, что именно они представляют область пересечения еврейской и христианской письменности: и в одной, и в другой традиции действуют мудрецы, целители, святые, врачующие при помощи своей магической власти. В исследовании историй второго типа релевантен структурный подход. Он позволяет выявить персонажей-участников «чудесной» ситуации, последовательность ее элементов, создающих законченность и автономность нарратива. Обычно эта последовательность такова:

А) Призыв, обращение пациента к целителю (но не к Богу!). Пациент выражает полную веру в целителя;

Б) Акт исцеления, состоящий из действия и речения. Действие осуществляет целитель телесно, речение сопровождает действие в виде формулы;

В) Успешный, обычно немедленный, результат.

Представителям фарисейского иудаизма выражение веры в целителя, нетождественное строгой монотеистической декларации, казалось равнозначным идолопоклонству. Возможно, такая установка повлияла на полемическую трактовку «чудесной» ситуации с участием целителя-чудотворца в текстах Агады. Вот как она реализуется в книжности:

Трагический конфликт, противоречие. «Р. Эльзар бен Дама, племянник р. Ишмаэля, был ужален змеей. Яков из Кфар Сама пришел исцелить его именем Иегошуа бен Пандира (*Иисус, сын Пантеры* – презрительное наименование Иисуса в ряде талмудических пассажей. – К. Б.), но р. Ишмаэль не позволил, сказав, что это запрещено. Р. Эльзар сказал: пусть сделает это, и я приведу свидетельство Торы, что это разрешено. Но он не успел произнести свои слова, ибо умер. Р. Ишмаэль воскликнул: счастлив ты, Бен Дама, что умер в чистоте, и душа твоя отошла без нарушения ограды мудрецов, ибо сказано: тех, кто нарушает ограду вокруг закона, жалит змея» (*Вавилонский Талмуд* (далее – *ВТ*), *Авода Зара* 27б; *мидраш Когелет Раба* 1:8).

Сказочно-демонологическое повествование с ироническим оттенком. «Р. Шимон бар Йохай путешествовал на корабле с миссией в Рим, чтобы способствовать отмене антиеврейских законов. Взглянув на мачту, он увидел сидящую там чертовку. Спросил ее: что ты здесь делаешь? Сказала ему: я пришла показать тебе чудо. Немедленно сказал рабби: О, Всевышний, для Агарь-египтянки ты послал пять ангелов, а для меня чертовку?! Сказала она: ты знаешь, что чудо будет сделано для тебя. Что еще ты хочешь? Сказал он: что за чудо ты покажешь мне? Она сказала: я войду в желудок дочери императора, она будет кричать и просить: приведите мне р. Шимона бар Йохая! Приведите мне р. Шимона бар Йохая! Ты придешь, пошепчешь ей в ухо, и я оставлю ее. Сказал он: какой знак будет, что ты действительно оставишь ее? Сказала она: в этот миг разобьется все стекло в императорском дворце. Сказал он: иди

и сделай, как ты говоришь. Она пошла и вошла в тело императорской дочери. Та принялась кричать: приведите мне р. Шимона бар Йохая! Приведите мне р. Шимона бар Йохая! Послали за ним в Страну Израиля. Сказали: он рядом с вами, на корабле. Пошли и нашли его, и привели к императору. Сказал император: ты рабби Шимон бар Йохай? Ответил: да. И ты можешь вылечить мою дочь? Ответил: да. Что ты сделаешь для нее? Сказал: я пошепчу ей в ухо, и она выздоровеет. И добавил: в этот миг все стекло в твоём дворце будет разбито. Затем р. Шимон бар Йохай пошептал ей в ухо, и она выздоровела, ибо чертовка покинула ее тело и разбила все стекло. Сказал император р. Шимону: какую награду ты хочешь? Сказал ему: я не прошу для себя награды. Я прошу тебя отменить законы против евреев. Немедленно император приказал отменить эти законы и издать новые. И послал их в Страну Израиля, чтобы отменить прежние законы» (ВТ, Мегила 17б) [Еллинек, 1877, с. 128–130].

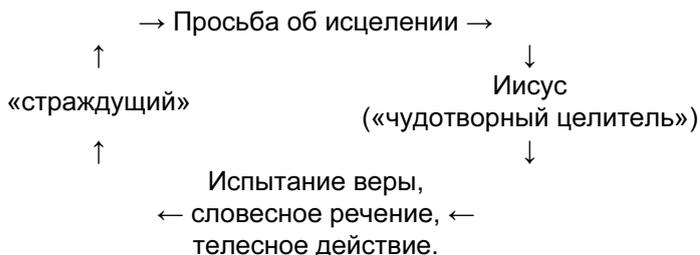
Риторически незавершенная, редуцированная чудесная ситуация. «Р. Ишмаэль и р. Акива прогуливались вне Иерусалима, и с ними был еще один человек. По пути им встретился больной, который подошел и сказал: мои ученые мудрецы, скажите, как могу я вылечиться? Сказали ему: делай так и так, пока не станешь здоров. Бывший с ними человек сказал: Бог поразил его, а вы исцеляете? Почему вы беретесь не за свое дело?» (Мидраш Шмуэль, 4).

Таким образом, тип чудесной ситуации, занимающий промежуточное положение между древним, фольклорным, и строго монотеистическим, в еврейских текстах эволюционирует. Эта эволюция могла быть вызвана идеологическими причинами, а также литературной полемикой с раннехристианскими сочинениями.

Житийный жанр, кристаллизующийся на христианском Востоке из различных источников, затем проникающий на Русь, в Европу, инкорпорирует чудесную ситуацию исцеления, превращая ее в стереотип, «трафарет ситуации и ее словесного выражения» (согласно Д. С. Лихачеву).

Обязательность житийных формул в описании жизни и деяний святого составляет часть агиографического канона [Лихачев, 1967, с. 80–81], а этот последний определяет роль и специфику произведений в средневековой литературе. Известно, что жития прототипически ориентированы на евангельский прообраз; они обнаруживают связь и зависимость от жизнеописания Иисуса. Все истории

об исцелениях, связанные с Иисусом и описанные евангелистами, обладают более или менее одинаковым устройством:

В них участвуют Иисус и его «пациент», больной или страждущий, встречающийся на пути Иисуса. При этом Иисус не использует волшебное средство и молитву. Больной просит о помощи; Иисус испытывает его веру, а затем словом, действием либо при помощи комбинации слова и действия исцеляет его, после чего больной становится здоровым и прославляет Бога и Иисуса. Святой, творящий чудо исцеления, «уподобляется идеалу Христа» [Берман, 1982, с. 174], но в то же время он удален в иерархии святости от этого идеала, находясь между миром земным и миром небесным [там же, с. 173]. Литература, описывая святого, создает «блаженную атмосферу подданнической присвоенности», самоотверженности и приверженности Богу, эмоциональную поддержку в стремлении к контакту между «подданным» и «иерархом» [там же, с. 180–181]. Исцеление – одна из наиболее действенных и выразительных форм этого контакта, описывается следующим образом: человек (обычно безымянный, «человек некий», либо названный по имени), тяжело больной либо увечный, приходит к святому – в церковь либо к его гробу, молится (или просит исцеления) Богу, святому. Святой-чудотворец действует, молясь, являясь, прикасаясь к больному. Исцеление происходит быстро, немедленно, внезапно. Каждый компонент ситуации исцеления имеет языковое – лексическое и лексико-грамматическое наполнение (в частности, если мы говорим о русских житиях), позволяющее обобщать данные и строить лингвистическую модель. Как мы помним, евангельские истории об исцелениях, полемически воспринятые агадической поэтикой, реализуют образец чудесной власти целителя без помощи молитвы и волшебного предмета. Жития, перенимая пафос новозаветных историй, не наследуют этот образец; житийные исцеления

происходят более разнообразно: не только святой, но и его тело (мощи) исцеляет людей. Таковы, скажем, посмертные чудеса Алексея, человека Божия из знаменитого византийского агиографического памятника: «Страждавшие неисцелимыми недугами, взглянув на святого, разрешились от всех скорбей своих – немые заговорили, слепцы прозрели, одержимые демоном стали здоровы, прокаженные очистились, и всякая иная болезнь отошла от них» [Византийские легенды, 1972, с. 161]. А вот примеры различных описаний собственно акта исцеления:

а) *и абие утвърдиста сѧ емоу нозѣ бл(а)г(о)датию божиею и м(о)л(у)твами с(вя)тою* (Сказание чудес Романа и Давыда, Успенский сборник (далее – УС), 20 а);

б) *мужь нѣкто бѣ слѣпъ и пришъдѣ пада" у гробу с(вя)тою и цѣловааше любьзно и очи прикладаѣ ицѣлениѣ просѧше. и абие прозьрѣ* (Сказание чудес Романа и Давыда, УС, 19 г);

в) *ѡко пришъдѣша с(вя)там м(у)ч(е)н(у)ка къ нему. прекръстиста ему очи тришьды и абие отвързоста сѧ очи его* (Сказание чудес Романа и Давыда, УС, 22 б-в). Все три отрывка – из памятника XII в. В более поздних текстах встречаем: *с(вя)тыи же вземъ с(вя)щ(е)нную воду и м(о)л(у)тву сътвор покропи болѣщаго а абие в тои часъ разумѣ болныи ѡко облегчис болѣзнь его* (Житие Сергия, XV в.) [Житие Сергия, 1885, с. 136].

[Епископ Серапион] *воздохнув из глубины сердца и возрев на образ Спасов, ... и начат молити со слезами Бога и рече хромому: «Во имя господя нашего Иисуса Христа востани на ногу свою». И востав человек той в том часе здрав...* (Житие Серапиона, XVI в., л. 16–16об.) [Житие Серапиона, 1965].

Таким образом, в житиях представлены все виды чудесного воздействия: и *волшебный предмет* (священная вода), и *действие целителя* («прекръстиста ему очи», «покропи болѣщаго»), и *молитва святого* («начат молити со слезами Бога»).

Житие развивает свою поэтику в сторону синкретизма типов чудесной помощи и их выразительных средств. Будучи наследниками особого типа историй об исцелениях, житийные рассказы лишь отчасти повторяют их структуру (призыв больного, акт исцеления, успешный результат – эта триада остается неизменной), обогащаясь и сказочным, и строго монотеистическим (молитва) способами разрешения кризисной ситуации – страдания, недуга, болезни.

Такая открытость, можно сказать, кумулятивность жанра коррелирует с некоторыми установками древней «литературы мудрости», например советами второканонического, согласно христианской догматике, Иисуса, сына Сирахова, по поводу обращения к целителю. Этому обращению должна предшествовать молитва и «очищение сердца»: мудрый человек не получит отказа от врачавателя, идеалом которого является богобоязненность [Noy, 1988, p. 142].

Источники и литература

- Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972.
- Еллинек А.* Бейт-ха-мидраш. Вып. 6. Вена, 1877 (на иврит).
- Житие Серапиона / Изд. Г. Н. Моисеева // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.–Л., 1965.
- Житие Сергия // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 58. СПб., 1885.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
- Успенский сборник / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Noy D.* The Talmudic-Midrashic "Healing Stories" as a Narrative Genre // Proceedings of the Third International Symposium on Medicine in Bible and Talmud (Jerusalem, 1987). Koroth. Vol. 9. Jerusalem, 1988.

К. В. Бондар

Наратив чудесного зцілення в Агаді й агіографії

Резюме

Зцілення хворих і страждущих – важливий структурний і змістовний елемент житійної поетики. Його походження пов'язане з еволюцією стародавніх міфологічних уявлень і розвитком оповідних жанрів у літературах Сходу та візантійській писемності, з урахуванням величезного впливу євангельської традиції. У статті обговорюється типологія «чудесних історій» про зцілення в єврейській літературі початку нової ери, «літературі мудреців», а також в середньовічній давньоруській агіографії.

Ключові слова: житіє, чудо, святий, мудреці, мідраш.

К. В. Бондарь

Нарратив чудесного исцеления в Агаде и агиографии

Резюме

Исцеление больных и страждущих – важный структурный и содержательный элемент житийной поэтики. Его происхождение связано с эволюцией древних мифологических представлений и развитием повествовательных жанров в литературах Востока и византийской письменности, с учетом громадного влияния евангельской традиции. В статье обсуждается типология «чудесных историй» об исцелении в еврейской литературе начала новой эры, «литературе мудрецов», и средневековой древнерусской агиографии.

Ключевые слова: житие, чудо, святой, мудрецы, мидраш.

K. Bondar

The narrative of miraculous healing in Haggada and Hagiography

Summary

Healing sick patients and suffering persons is an important structural element of Hagiography poetics. Its origin is related to the evolution of ancient mythological mind and development of narrative genres in literatures of the East and Byzantine writing, taking into account enormous influence of Evangelic tradition. In the article typology of “wonderful stories” comes into a question about healing in Jewish literature of the beginning of new era, “literature of sages”, and medieval Rus’ian Hagiography.

Keywords: Life, Miracle, Saint, Sages, Midrash.